

И ОДНА творческая работа не может быть полноценной, если она не освещена большой мечтой.

Первая проблема у нас, киноактеров,—и у тех, кто только начал сниматься, и у тех, кто проработал в кинематографе десятки лет,— ожидание работы. Молодым актерам свойственно мечтать, ждать, думать о том, что вот завтра к тебе придет роль, в которой бы ты смог наилучшим образом «выразиться», но с годами становишься мудрее... Это режиссер имеет право на заявку — хочу, мол, работать над таким-то сценарием, поставить такой-то фильм. У актеров права на заявку нет, мечтай ты или не мечтай. Мы зависим от планов режиссеров, сценаристов, наше дело — ждать приглашения. Более мучительного состояния не придумаешь. Но начинаешь работать, и все уходит на задний план. Чужие замыслы и планы становятся твоей жизнью, и ты уже готов работать круглосуточно, выдумывать, фантазировать.

Киноактер горит отраженным светом, может быть, сам того и не ведая. Вот сейчас, например, у меня нет никаких предложений, и я не знаю, как сложится мой завтрашний день.

Режиссер А. Салтыков, с которым я очень люблю работать, задумал поставить фильм по повести Анатолия Калинина «Возврата нет». И со сценаристом, и с режиссером мы много говорили об этом замысле. Там есть очень интересная для меня роль.

Но режиссер имеет право на сомнения и размышления. А вдруг он раздумает работать именно над этим произведением и повесть, в которой сегодня моя работа, моя жизнь, возьмет другой постановщик? И рухнули мои мечты и планы. Другой режиссер — другое прочтение, и героиню свою он уже будет видеть по-другому, и актрису будет подыскивать под стать своему

замыслу. А как это для нас, актеров, важно, когда режиссер видит именно тебя, надеется на твой жизненный и профессиональный опыт, твою фантазию, твою манеру работать!

За долгие годы в кино я переиграла массу ролей, но среди них нет ни одной, о которой бы я заранее мечтала. Хотя, что греха таить, ведь мечтаю же я об этой героине Анатолия Калинина. Чем она мне дорога? Тем, что не похожа на прежних. Я не хочу оскорбить всех моих героинь, поймите

человек, а все-все, вплоть до текста. Не спорю, это интересная работа, но этим ли должен заниматься актер?

Больших ролей у меня было мало, а хочется, ой, как хочется, чтобы не додумывать, не дотягивать образ, а самому за ним поспевать, — это завидное счастье.

Ведь как получается? Запускают картину, а там героиня, ну точь-в-точь, как Мордюкова уже играла. Значит, один образ уже считай в кармане, ни

рог последний замысел Салтыкова, что там хотя и происходит все дело в селе, но главное — о человеке разговор, о большом характере. Накренилась любовь у этой женщины, и поняла она, что зря отошла от людей, что одной любовью не проживешь. Как это расскажешь двумя словами? Влюблена я и в образ, и в книгу.

Вот и в «Русском поле» мне дорого то же самое. Люди в этом фильме — главное, характеры. А есть интересный характер —

звернуть — прикипаешь к работе. А потом опять ожидание... Такая уж наша судьба.

Какой выход? Театр киноактера. У нас еще там не все на ходу, как говорится, не все еще продумано, много нерешенных вопросов. А можно ведь очень интересно поставить работу. Ну вот есть у меня такая мечта — сыграть в пьесе А. Афиногенова «Мать своих детей». Я пока еще до нее «не доросла». А вот пройдут какие-то годы, почему не сыграть? Пишу заявку. Меня вызывают, спрашивают: какого бы вы хотели режиссера — театрального, кинематографического?..

Поставили бы спектакль, «обкатали» его на зрителе, все проверили, а потом можно было бы и снять фильм, как это было с «Молодой гвардией».

Киноактеры — народ особый. У них своя психология, свой подход к работе, нежеле у театральных актеров. Вот я играю в «Варварах» в нашем театре два раза в месяц и ловлю себя на том, что скучаю по этой роли, готовлюсь к ней заранее. Но если бы я стала играть каждый день, меня на это не хватило бы. Я считаю, что актеры, которые играют по 200—300 раз один и тот же спектакль, — герои. Вот Юлия Борисова — сколько она уже играет Турандот, а всегда полное ощущение того, что она это делает впервые, что для нее сейчас праздник, премьера.

Я — типичный кинематографист. Я с самого детства привыкла все «накапливать», бродить, думать, ездить, разговаривать с людьми, очаровываться, а потом уж всю себя отдавать работе, «сжигать» себя без остатка.

Ну, а насчет актерской мечты? Куда от нее денешься? Каним бы ты мудрым с возрастом ни становился, она — наша мука, она же и держит нас в состоянии постоянной творческой мобилизации.

Нонна МОРДЮКОВА

ОТРАЖЕННЫМ СВЕТОМ?...

меня правильно, я люблю их такими, какими они выходят на экран. Но, господа, какого стоит труда съемочным группам, чтобы наши герои не были как две капли воды похожи друг на друга. Иной сценарий берешь в руки — и грустно становится. Ну как, думаешь, сделать так, чтобы эти ходячие образы ожили, выпрыгнули из схемы, превратились в людей?

Ведь иной сценарист о чем думает, чем занят — чтобы вытянуть главную фабульную линию, тему ведущих своих персонажей, а эпизодические образы ему нужны лишь для того, чтобы главным героям было с кем общаться. Антураж — и все. Вот так, рассыплют, как семечки, а ты собирай. И приходится роль додумывать всей группой на съемочной площадке. Не только, как он выглядит, этот новый твой

думать, ни тратить на поиски не надо.

А то встречаю режиссера, а он картину снимает. Вот, говорит, не ладится. У меня для тебя роли нет, но ты приходи, поснимаешься, с твоей фантазией и заживет все. Да ничего там не заживет!

Мы сидим и ждем, и я не имею права делать заявку на ту роль, на тот материал, который мне по душе.

Как я хотела сыграть в «Леде Мандет Мценского уезда»! Ну все вроде сделала для этого. А тут оперу запустили на другой киностудии. Ну чем опера могла помешать, ведь это и жанр другой? Так нет.

А разве наше дело — поджидать? Актерская жизнь короткая. Тут бы играть да играть. Оборачиваешься назад — успел ты сделать что-нибудь за свою короткую жизнь? И видишь — мало.

Мне часто говорят: «Вы, Нонна Викторовна, специализируетесь по колхозной тематике...» Да, люди села — мне родные, деревня — это родина моя. Но не хватит ли мне все время в одном амплуа выступать? Поэтому для меня так до-

есть и интересная работа. Когда свою работу можно повернуть новой гранью, еще не испробованной, — это для актера праздник. Мы, перед тем как начать снимать этот фильм, долго думали с режиссером Николаем Москаленко, как ее «повернуть», эту героиню, и решили играть тихого человека. Чтобы не было заметно эту женщину. Чтобы начался фильм, а кто тут главный, не было понятно, чтобы она растворилась среди других. Для меня это было и трудно, и интересно — никаких эффектов, никаких крупных мазков. Знаете, когда не слово ведет человека, а его поступки.

Вот с такой работой и расставаться не хочется. Уж и фильм отснимут, и на экраны выйдет, а ты все думаешь, фантазируешь — этого не попробовала, а тут по-другому можно было по-

О ЛЮБИМОЙ ПРОФЕССИИ